

САЛО ФЛОР. ГРОССМЕЙСТЕР И ЖУРНАЛИСТ

В тридцатые годы на мировой арене появилась целая плеяда молодых талантливых шахматистов. И самым заметным среди них был, безусловно, гроссмейстер из Чехословакии Сало Флор. Одно только его участие превращало любое соревнование в крупное шахматное событие. Даже рядом с Ласкером и Капабланкой, Ботвинником и Эйве он считался фаворитом, сам чемпион мира Александр Алехин назвал его своим главным конкурентом.

И если каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл – а в огромной армии шахматистов Флор был далеко не рядовым, – то солдат не выполнил своего жизненного предназначения, не достиг того, на что имел моральное право по своим успехам, мастерству, таланту.

– Скажите, гроссмейстер, если бы вы начинали жизнь сначала, какую роль в ней играли бы шахматы!

На мой вопрос можно ответить серьезно, а можно отделаться шуткой. Скорее шуткой, именно потому, что все это слишком серьезно. К тому же, юмор весьма соответствует характеру моего собеседника.

Флор надолго задумывается, уйдя мыслями куда-то в юность, быть может, еще дальше – в детство. Сам того не желая, я разбередил в нем прошлое, а туда не всегда хочется возвращаться и, тем более, пускать посторонних. После длительной паузы он сказал очень серьезно:

– Нет, я ни о чем не жалею. Я снова бы посвятил свою жизнь шахматам, только... только не сделал бы столько ошибок, – затем шутливо, – Я сделал бы еще больше других ошибок... – и опять серьезно. – Но этих бы не повторил никогда.

Мы сидим в живописной, я бы даже сказал, кокетливой, за-
полненной какими-то оригинальными игрушками и сувенира-
ми квартире гроссмейстера. Для меня он современник, соперник
большинства крупнейших шахматистов XX века, в том числе
всех (кроме Стейница) чемпионов мира, сам – живая история
шахмат. Но, к счастью для меня, он и журналист – и еще какой!
Чувство профессиональной солидарности заставляет его отло-
жить свои дела (поначалу он что-то писал, попеременно пользу-
ясь двумя сверхпортативными машинками).

В детстве Флор, как и сотни его сверстников, увлекался футбо-
лом. Шахматами тоже, но гораздо меньше. Может быть, потому,
что не любил проигрывать. И уж если играл, то стиснув зубы, на
одном самолюбии. Однажды Сало услышал, что в Праге состоит-
ся сеанс одновременной игры вслепую немецкого мастера Мизе-
са. Это его заинтересовало.

Флор ожидал встретить в Праге необычайного фокусни-
ка, что-нибудь вроде чревовещателя. Он действительно увидел
чудо, но чудо иного рода. Перед потрясенным мальчиком при-
открылся таинственный, чарующий мир шахмат, и он навсегда
отдал этому миру свое сердце.

Шахматы завладели им целиком. В непрерывных схват-
ках с игроками разной силы и квалификации прошло несколь-
ко лет. Но нужно было думать о профессии. Собственно говоря,
эта проблема не волновала Флора – его блестящие способности
в журналистике проявились еще раньше, чем в шахматах. Но как
совместить два любимых занятия? И Флор выбирает журнали-
стику. Шахматную журналистику! В качестве корреспондента
пражских газет он переезжает с одного крупного турнира на дру-
гой, ставя перед собой едва ли не главной задачей – сыграть там
с участниками несколько легких партий, пусть даже блиц, пусть
даже в сеансе.

Его заметили, стали приглашать на турниры. Рогашская Сла-
тина, 1929 год – его первое международное крещение (2-е место
за Рубинштейном, но впереди старого знакомого Мизеса). Еще
несколько удачных выступлений и в 1930 году Флор – уже лидер
команды Чехословакии на III шахматной Олимпиаде в Гамбур-
ге. Он еще не добивается самых крупных своих успехов, которые

в недалеком будущем сделают его столь знаменитым, но все равно – это лучшие годы в его жизни. Флор играет легко, раскованно, он стремится к атаке, к комбинациям, в его партиях еще редко эндшпили. Шахматы доставляют ему огромную радость.

Несмотря на некоторые успехи, у Флора нет еще большого имени, нет еще признанного всем миром авторитета, над ним не довлеет еще чувство ответственности перед собой, болельщиками, историей. Он жертвует, атакует, иногда проигрывает, чаще выигрывает – и такая игра соответствует его характеру, легкому, веселому, остроумному, не слишком склонному к большим напряжениям и волевым усилиям. А главное, Флор еще не зависит от шахмат. При всех обстоятельствах у него остается журналистика.

Но растут успехи, становится известным имя, увеличиваются гонорары. Журналистика постепенно отходит на второй план, а шахматы стремительно выдвигаются на первый. Все больше и больше от успехов в турнирах зависит его жизненное, материальное благополучие. За участие в соревнованиях организаторы платят Флору немалые деньги, но они деловые люди, эти организаторы, – за свои деньги они хотят получить товар. А какой товар может дать им шахматист? Только турнирные успехи.

Так шахматы превращаются для Флора из удовольствия в работу, а сам он становится типичным шахматистом-профессионалом. И то, что он становится профессионалом самого высокого класса, приносит ему не слишком большое утешение. Профессионал не может рисковать своими результатами, своей репутацией, не имеет права занимать низкие места. Значит, нужно свести риск до минимума, разучиться проигрывать. Значит, нужно побороть в себе мыслителя, художника, постоянно помнить, что шахматы – это заработок, ничем в принципе не отличающийся от заработка маляра, шофера или каменщика. И Флор делает ничьи с сильными, побеждает слабых, заранее определяет, сколько он должен набрать очков в турнире, отменяя всяческую случайность, намечает свои будущие жертвы. В 1932-1933 годах Флора уже нельзя узнать. Где его атаки, где комбинации? Теперь он стремится к спокойной игре, к разменам, к эндшпилю и, обладая почти безукоризненной техникой, стара-

ется решить судьбу партии без всякого риска. У Флора вырабатывается особый стиль, гарантирующий его, прежде всего от поражений, пусть даже ценой уклонения от борьбы.

Я слушаю не слишком веселый рассказ Флора и мучительно пытаюсь решить: так ли уж виноват он в том, что с ним тогда случилось. Разве не видел он, в какой нищете доживал, свои дни некогда могучий Акиба Рубинштейн, как трудно Ласкеру, как вынужден из-за денег изворачиваться сам Алехин? Разве не знал Флор, что будет с ним, если ему изменит счастье, если поблекнут его турнирные успехи? Быть может, изменив свой стиль и манеру игры, он в чем-то и проявил слабость, уступил обстоятельствам, однако...

Кто сказал, что жертвы и комбинации лучше, чем искусное маневрирование и виртуозная техника?! Ведь в позиционной игре Флор выразил себя гораздо полнее и ярче. Кто лучше него в те годы мог использовать изолированную пешку или слабое поле в лагере противника? Вынужденный стать профессионалом, он выработал эффективный, экономичный и рациональный стиль, который впоследствии назовут «Файно-Флоровским». Если ныне рядовой мастер владеет целым набором «позиционных отмычек», то благодарен за это он, во многом, должен быть гроссмейстеру Сало Флору.

– И все-таки, – сказал Флор, словно угадав мои мысли, – я должен был бороться. Конечно, нельзя упрекать шахматиста за то, что он выбирает тот или иной стиль игры. Это его право. Но никто не должен быть пассивным. Человек обязан бороться. Это заложено в его природе. И шахматы не являются исключением. Если бы я начинал жизнь сначала, я постарался бы стать борцом, как Ларсен или Корчной. И тогда я, наверное, не сожалел бы, как теперь, что «одарил» мир таким большим количеством ничьих.

Кстати, первыми заметили и не одобрили мой стиль игры советские любители шахмат. Ведь это обо мне в 1935 году написал в Москве Александр Безыменский:

*Как странно: юным быть,
А жаться, как старик.*

Стоп, гроссмейстер. Теперь разрешите мне. Я хорошо знаю о Ваших посещениях Москвы в 1935-м, 1936-м, а в особенности в 1933 году. Вы упрекаете себя за пассивность, Вы утверждаете, что никогда не были борцом. А как же Вы тогда рискнули приехать в нашу страну? Вы же совершили подвиг! Вспомните...

Вокруг Советского Союза воздвигнут железный занавес. Советских мастеров не приглашают в европейские турниры, зарубежные корифеи не приезжают к нам. У них могут из-за этого возникнуть неприятности, их могут лишить права участия в европейских турнирах. Как же вы в этих условиях отважились бросить вызов советскому чемпиону? Нет, не спортивная сторона интересовала вас тогда. Двукратный победитель Гастингса, призер множества крупнейших турниров, вы не могли еще всерьез считаться с Ботвинником и угадать его большое будущее. Главной вашей целью было побывать в СССР, и вы осуществили ее, не считаясь ни с какими препятствиями. Вслед за вами в СССР приехали Капабланка, Ласкер, Шпильман, Лилиенталь! С вашей легкой руки мир узнал о Ботвиннике, о советской школе шахмат, которой принадлежало будущее. Даже если бы вы больше ничего не совершили в своей жизни, ваши заслуги перед советскими шахматистами никогда бы не были забыты...

Поездка в Советский Союз произвела на Флора неизгладимое впечатление. Разве мог Флор надеяться на то, что его так встретят, что все советские газеты будут подробно, с большим знанием дела освещать его матч с Ботвинником? Разве мог он предположить, что из-за одной шахматной партии будет арендован Колонный зал Дома Союзов и зал этот все-таки не вместит всех болельщиков, и те, кому не повезло, невзирая на погоду, будут следить за ходом борьбы на улице? Нет, ничего подобного на Западе он не встречал. Было странно, удивительно и немного грустно, что он здесь только временный гость, что он не имеет, в сущности, ко всему этому никакого отношения.

Чисто спортивный итог матча (+2, -2, = 8) тоже заставил его призадуматься. В лице Ботвинника Флор встретился с иной, совершенно незнакомой ему шахматной школой – с отличным от западных мастеров стилем, а главное, с совершенно другим подходом к шахматам. Советские мастера не зависели от меценатов,

но, тем не менее (а, может быть, именно поэтому?) они относились к шахматам очень серьезно. И как к искусству, и как к науке.

– В 1934 году я встретился в Гастингсе с Александром Алехиным. Жадно, с затаенной тоской и завистью расспрашивал меня чемпион мира о жизни в его родной стране, но при этом все подшучивал надо мной – как это я не смог победить Ботвинника. И тогда я посоветовал ему и всем западным гроссмейстерам, которые сомневались в моей силе, самим поехать в СССР и встретиться там с Ботвинником и остальными советскими мастерами.

Свою же силу Флор доказывает немедленно, занимая при участии Алехина 1-е место в Гастингском турнире. Затем Флор отдает чемпиону пальму первенства в Цюрихе, деля 2-3-е места с Эйве, но тут же побеждает в Либверде. В 1935 году Флор по традиции забирает «свой» первый приз в Гастингсе, побеждает в Росасе и в том же году снова едет в СССР, где в исключительно сильном II-м международном Московском турнире делит 1-2-е места с Ботвинником, впереди Ласкера, Капабланки, Шпильмана и других прославленных шахматистов.

И опять Флор не проигрывает ни одной партии! Проигрыши вообще очень редки в его турнирной практике тех лет, но растущее сопротивление советских мастеров он преодолевает уже с большим трудом.

В 1936 году Флор опять в Москве. На этот раз он занимает третье место, что никоим образом не может расцениваться как неуспех, ведь впереди лишь Капабланка и Ботвинник, а сзади Ласкер, Лилиенталь, Элисказес... Но непробиваемый Флор проигрывает в одном турнире целых четыре партии, причем все советским мастерам.

Турнирные и матчевые успехи Флора по-прежнему очень высоки. В том же 1936 году он занимает первое место в Маргете, в Подебрадах (впереди Алехина), делит 1-3-е места, а в 1937 году в Кемери. Совершенно понимание им позиции, безупречны техника эндшпиля и реализация достигнутого преимущества. Именно тогда Алехин называет его своим главным соперником.

В 1938 году Флор принимает участие в «АВРО-турнире» и... занимает там последнее место. Впервые в жизни он не выигрывает ни одной партии. На то были уже не шахматные причины.

Скитаясь по всему миру, Флор никогда не забывал о своей маленькой, родной Чехословакии, и, конечно, захват ее немецкими фашистами, трагическая судьба родных и близких – все это тяжело отразилось на моральном состоянии гроссмейстера. Однако шахматная сила Флора вовсе не пошатнулась. Он продолжает оставаться одним из сильнейших гроссмейстеров своего времени и уже в следующем, 1939 году, одерживает ряд блестящих побед (Ленинград–Москва, Кемери–Рига).

А в это время Чехословакия стонет под игом фашизма, и Флор скитается по Европе без дома, без родины.

– Фашисты как будто преследовали меня. Я был в Англии – они начали бомбить Лондон, я поехал в Голландию – они перешли ее границу. И тогда мне протянул руку Советский Союз, уже давно бывший моей второй родиной.

В 1942 году Флор становится гражданином СССР. XIII первенство страны 1944 года было первым чемпионатом СССР, в котором он участвовал. Это главное для советских шахматистов соревнование Флор начинает одним из основных фаворитов, а заканчивает его только четвертым. Затем он с переменным успехом играет еще в нескольких соревнованиях. В 1946 году в Гронингене гроссмейстер делает последнюю попытку в борьбе за звание чемпиона мира и терпит неудачу.

Что же случилось с Флором? – задавали вопрос тысячи любителей шахмат в Советском Союзе и во всем мире. Ведь в 1945-м ему было только 36 лет, возраст наиболее творческий для шахматиста (в 37 лет Ботвинник стал чемпионом мира, в 36 им стал Смыслов, в 35 – Алехин).

– Война подорвала мое здоровье, расшатала нервы, ряд моих чисто шахматных концепций требовал решительного пересмотра. Особыми познаниями в теории дебютов я и раньше не блистал, но в молодости это компенсировалось другими факторами и не так сильно отражалось на результатах. После войны по всему шахматному фронту повели наступление советские мастера. Они оттеснили не только меня, но и остальных ведущих гроссмейстеров Запада.

И все-таки главная причина моих послевоенных неудач в другом. Борьба за шахматный трон требует фантастического

трудолюбия, а у меня его не было. Я не проливал пота над шахматами. Без этого не обойтись. Избалованный своими прежними успехами, я после первых же неудач опустил руки, у меня не хватило характера, я перестал бороться. Жаль! Я был обязан сражаться до конца. – «Шахматы не для людей, слабых духом. Шахматы требуют всего человека полностью» – говорил Стейниц. Я, к сожалению, редко вспоминал его слова, но о них сегодня обязаны помнить другие.

Флор, конечно, во многом прав. Но в том нашем разговоре он все же был очень несправедлив к себе. Да, он не стал чемпионом мира. Для этого ему не хватило характера. Но к тому времени только десять их было за всю историю шахмат, только десять. От многих обстоятельств, в том числе и случайных, зависит это, слишком много препятствий нужно преодолеть, обойти, избежать. Но ведь не одним званием чемпиона мира определяется роль шахматиста!

Влияние Флора в той или иной мере испытали на себе многие выдающиеся современные гроссмейстеры. Да и потом в понимании шахмат Флор уступал немногим. Даже когда практически он уже не выступал в соревнованиях, Флор судил, анализировал, и неумоимо комментировал. Живой, наблюдательный, мягкий, общительный, он, как и двадцать-тридцать лет назад, всегда был в центре крупных шахматных событий.

А его обаятельное, чисто журналистское остроумие! С журналистики он начал, в журналистике он и остался. Многие годы мы привыкли смотреть на шахматы глазами Флора. И когда начиналось очередное соревнование, мы жадно искали в газетах, в «Огоньке» – а что по этому поводу говорит Флор? Его строчки до краев наполненные эрудицией и наблюдательностью, иногда ироничные, но всегда необыкновенно доброжелательные, не спутаешь с другими. Жаль, конечно, что он сам не написал о себе. Но, как сказал Флор: «Я еще слишком молод, чтобы писать мемуары». Но, увы, не успел!